

УДК 811.134.2
DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-2-354-367
EDN VVOEHL

Языковые механизмы эвфемизации смерти в испаноязычном дискурсе: лингвокогнитивный и социокультурный аспекты

¹ Инчаурральде-Бесга К., ² Родченко А.В.

¹ Государственный университет аэрокосмического приборостроения
Россия, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 67, лит. А

² Дипломатическая академия МГИМО Министерства иностранных дел РФ
Россия, 119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
inchaur@mail.ru; arodchenko@yandex.ru

Аннотация. Исследование языковой репрезентации табуированных концептов, в частности концепта смерти, дает ключ к пониманию культурных кодов, способов смягчения в коммуникации и глубинным установкам коллективного сознания. Несмотря на интерес к механизмам эвфемизации в испаноязычных культурах, комплексный анализ номинаций смерти, основанный на сочетании корпусных данных, опроса носителей и когнитивных теорий, ранее не проводился. Целью данной работы является выявление и систематизация основных когнитивных моделей, лежащих в основе эвфемистических обозначений смерти в испанском языке. Исследование опирается на методологию когнитивной лингвистики, включая концептуальный и корпусный анализ, анкетирование носителей из семи испаноязычных стран. В результате анализа корпуса из 212 единиц были выделены ключевые метафорические модели (смерть как путешествие, отдых, утрата), определены наиболее продуктивные из них, и представлено их количественное распределение. Полученные данные вносят вклад в развитие теории языковой концептуализации, расширяют понимание механизмов эвфемизации и могут быть использованы в преподавании лингвистических дисциплин, межкультурной коммуникации и практике перевода.

Ключевые слова: табу, эвфемизмы, языковая картина мира, испанский язык, когнитивные модели, концептуальные метафоры, лингвокультурная специфика

Для цитирования: Инчаурральде-Бесга К., Родченко А.В. 2026. Языковые механизмы эвфемизации смерти в испаноязычном дискурсе: лингвокогнитивный и социокультурный аспекты. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 45(2): 354–367. DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-354-367 EDN: VVOEHL

Euphemistic Representation of Death in Spanish: Cognitive Models and Sociocultural Aspects

¹ Carlos Insaurrealde-Besga, ² Anna V. Rodchenko

¹ State University of Aerospace Instrumentation
67A Bolshaya Morskaya St., Saint Petersburg 190000, Russia

² Diplomatic Academy of the Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
53/2 Ostozhenka St., building 1, Moscow 119021, Russia
inchaur@mail.ru; arodchenko@yandex.ru

Abstract. The study of the linguistic representation of tabooed concepts, particularly the concept of death, is a significant area of research in modern linguistics, as it provides insights into cultural codes,

communication mechanisms, and the underlying attitudes of collective consciousness. Despite the interest toward the study of euphemization mechanisms in Spanish-speaking cultures, a comprehensive analysis of death nominations based on the integration of corpus data, native speaker surveys and contemporary cognitive theories had not been conducted previously. The aim of this work is to identify and systematize the main cognitive models underlying the euphemistic designations of death in Spanish. The study relies on the methodology of cognitive linguistics, including conceptual analysis, corpus analysis, and questionnaires to native speakers from seven Spanish-speaking countries. As a result of the analysis of a corpus of 212 units, some key metaphorical models (death as a journey, rest, loss) have been observed, the most productive of them are determined and their quantitative distribution is presented. The obtained data contribute to the development of the theory of linguistic conceptualization, expand the understanding of euphemization mechanisms, and can be used in the teaching of linguistic disciplines, intercultural communication, and translation practice.

Keywords: taboos, euphemisms, linguistic worldview, Spanish language, cognitive models, conceptual metaphors, cultural specificity

For citation: Insaurralde-Besga C., Rodchenko A.V. 2026. Euphemistic Representation of Death in Spanish: Cognitive Models and Sociocultural Aspects. *Issues in Journalism Education, Linguistics*, 45(2): 354–367 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-354-367 EDN: VVOEHL

Введение

В западных обществах вербализация феномена смерти и сопряжённых с ним понятий сохраняет статус одного из наиболее устойчивых табу, находящегося в одном ряду с такими сферами, как сексуальные отношения, некоторые физиологические процессы, непрестижные профессии, проблемы неравенства и инвалидность. Для значительной части социума эта тема остаётся областью повышенной коммуникативной чувствительности, в которой прямая номинация, как правило, избегается. Генезис этого архаического табу, с одной стороны, обусловлен страхом перед неизвестным и неподконтрольным [Allan, BurrIDGE, 2006], а с другой – регламентирован социальными нормами, предписывающими в контексте утраты соблюдение риторической сдержанности как формы уважения к скорбящим.

Концепт СМЕРТЬ как многокомпонентная структура представляет собой одну из наиболее древних эвфемизируемых категорий в языках мира, порождая широкий спектр обозначений смерти – от метафор и метонимий (наиболее традиционных и привычных) до других языковых и даже неязыковых средств (жесты, мимика). Феномен эвфемии, как известно, относится к языковым универсалиям и является одним из важнейших средств обеспечения эффективной коммуникации. С точки зрения когнитивной лингвистики эвфемизация определяется как способ концептуальной деривации, который направлен на нейтрализацию исходной отрицательной характеристики (в другой терминологии «стигмы» [Бердова, 1981, с. 27]), ассоциированной с первичным знанием (и прежде всего с его вербализацией) [Болдырев, 2018, с. 192]. Барридж [BurrIDGE, 2004] отмечает, что самые сильные табу приводят к появлению более богатого и сложного языка. В коммуникативной практике с целью смягчения или полного избегания мрачных коннотаций, связанных со смертью, говорящие сознательно выбирают косвенные номинации, среди которых наиболее распространены метафорические выражения (например, «уйти» или «уснуть»), используя эвфемизмы (из греч. εὐφημισμός < εὐ-φημεω, глагол, употреблявшийся в двух основных значениях «произносить слова с добрым предзнаменованием» и «воздерживаться от произнесения слов с дурным предзнаменованием» [Греческо-русский..., 1894]) в качестве средства вежливости. Однако эти языковые средства не являются простыми субститутами, а показывают, как общества концептуализируют запретное.

Анализ эвфемизмов, связанных со смертью, даёт возможность реконструировать культурные установки, формирующиеся вокруг этого наиболее табуированного события в человеческой жизни. Подобные языковые единицы выполняют не столько функцию

«сокрытия» денотата, сколько выступают в роли лингвокультурных маркеров, воплощающих коллективные ценности, глубинные, часто архетипические страхи и имплицитные нормативные модели. Табуирование прямых номинаций смерти, универсальное и вневременное по своей природе, и сегодня продолжает влиять на коммуникацию, оставаясь неиссякаемым ресурсом для развития языка.

Образный язык является наиболее распространённой формой обращения к смерти в различных культурах, жанрах и типах речи. Метафоры смерти можно рассматривать как когнитивно-культурные схемы, которые помогают человеку осознать неизбежность посредством знакомых образов. Эти метафоры не только украшают речь, но и формируют само восприятие смерти. В зарубежной лингвистике эта проблематика получает разностороннее освещение. Х. Эрреро Руис на материале сказок показывает, что метафоры смягчают восприятие смерти, связывая её с повседневным человеческим опытом [Herrero, 2007]. Д. Джеймет на примере американского сериала «Клиент всегда мёртв» анализирует, как эвфемизмы помогают «переизобрести» реальность смерти и сделать её психологически переносимой [Jamet, 2010]. И. Креспо-Фернандес в более ранней работе на материале викторианских текстов доказывает, что фигуральная речь отрицает конечность смерти и утешает скорбящих, облегчая восприятие табуированной темы [Crespo-Fernandez, 2013]. В более позднем исследовании, посвящённом 174 эпитафиям английского кладбища в Малаге (Испания), этот же автор на основе количественного анализа выявляет шесть основных метафорических моделей (ОТДЫХ, ПОКОЙ, НОВАЯ ЖИЗНЬ, ПУТЕШЕСТВИЕ, ПОТЕРЯ, РАЗЛУКА). Установлено, что 91,66% метафор имеют положительную коннотацию и служат для утешения скорбящих, тогда как негативные модели (ПОТЕРЯ, РАЗЛУКА) немногочисленны [Crespo-Fernández, 2023]. М. Кучок в контрастивном корпусном исследовании американского английского и польского языков выявляет, какие концептуальные метафоры являются наиболее распространёнными, а какие – редкими, объясняя различия культурными факторами [Kuczok, 2016]. П. Хейндерикс с коллегами анализируют онлайн-некрологи профессиональных спортсменов и приходят к выводу, что в этом жанре наряду с традиционными метафорами появляются оригинальные образы, помогающие справиться с травмой утраты [Heynderickx, Dieltjens, 2019]. В другом совместном исследовании, посвящённом диахроническому анализу надгробных эпитафий с бельгийских кладбищ, обнаружено, что в этой жанровой нише по-прежнему избегают прямых номинаций смерти, а доминируют метафоры с положительной коннотацией [Heynderickx, Dieltjens, 2021].

Русскоязычные исследования охватывают широкий спектр языков и культур. В работе О.С. Чесноковой на материале мексиканского национального варианта испанского языка показано, что смерть здесь не табуирована, а, напротив, «завораживает» носителей: она получает множество игровых и гротескных номинаций (*calaca*, *dientona*, *pelona*), а её персонификация становится частью национального праздника Дня мёртвых [Чеснокова, 2004]. У.Г. Гусейнова реконструирует древнетюркскую модель смерти: смерть понимается как «улетание» души (глагол *иç-*), причём душа трёхсоставна (*тын*, *кут*, *сюр*), а сам переход связан с вертикальным членением мира (верхнее небо – средний мир людей – нижняя земля) [Гусейнова, 2015]. Е. Середа анализирует английские фразеологизмы смерти и выделяет несколько универсальных метафорических моделей: смерть как сон, как уход со сцены, как пересечение барьера, а также отмечает эталонные сравнения (*as dead as a doornail*) [Середа, 2015, с. 162–165]. Е.И. Алещенко и Ю.Г. Фатеева сопоставляют традиционный фольклорный образ смерти (антропоморфное существо – старуха с косой) с её профессиональным восприятием в языковой картине мира врача. На материале художественных произведений, написанных медиками, авторы показывают, что врачи избегают прямой персонификации смерти, заменяя её метонимиями (остановка дыхания, потеря пациента, «отпускать»). Смерть для врача – не таинственный враг, а регулярный профессиональный опыт, что приводит к десакрализации образа (бытовые детали, сниженная лексика) и к формированию пограничного состояния «присутствия-отсутствия»,

в котором врач постоянно балансирует между жизнью и смертью [Алещенко, Фатеева, 2021]. А.Р. Тазранова на материале алтайского языка выявляет ядерные и периферийные средства репрезентации смерти: базовая лексема *ölüm*, эвфемизмы ухода (*jana берген* ‘вернулся домой’), прекращения дыхания (*тыны чыккан*) и противопоставление «лёгкой» (достойной) и «тяжёлой» (грешной) смерти [Тазранова, 2021, с. 36–38]. Н.М. Монгуш в сопоставительном исследовании тувинского, халха-монгольского, бурятского и калмыцкого языков делит эвфемизмы смерти на три стилистические группы: возвышенные (буддийские – перерождение, обретение бурхана), нейтральные (небытие, истечение срока жизни, прекращение дыхания) и сниженные (грубые, дисфемизмы). Общим для тюркских и монгольских языков оказывается представление о смерти как о «возвращении домой» или «отправлении в страну богов» [Монгуш, 2024].

Таким образом, проведённый обзор показывает, что, несмотря на устойчивый интерес исследователей и многообразие подходов, существующие работы носят, как правило, либо лексикографический характер (фиксация отдельных номинаций), либо ограничены рамками одного национального варианта. Комплексное исследование когнитивных моделей испанских номинаций смерти, сочетающее данные корпусной частотности, анкетирование носителей из разных испаноязычных стран и когнитивный инструментарий (теории воплощённого познания, концептуальной и намеренной метафоры), до сих пор не проводилось. Настоящая работа призвана заполнить этот пробел.

Цель исследования – выявить наиболее продуктивные и универсальные для испаноязычных стран когнитивные модели, репрезентирующие умирание (на материале глаголов, глагольных сочетаний и существительных испанского языка).

Материалы и методы исследования

Эмпирическую базу исследования составил корпус из 212 единиц – в основном, глаголов и глагольных сочетаний, обозначающих умирание, а также ряда сопряжённых понятий. Формирование корпуса осуществлялось на основе данных общенациональных лексикографических источников: *Diccionario de la lengua española* (RAE) и *Diccionario de uso del español* (Moliner), а также специализированных исследований, посвящённых региональным вариантам испанского языка – чилийскому, венесуэльскому и кубинскому [Rabanales, 1966–1969; Gómez de Ivashevsky, 1969; Santiesteban, 1982]. Актуальность и узнаваемость собранных номинаций проверялась в ходе анкетирования носителей языка. В опросе приняли участие 19 респондентов – представителей Аргентины, Венесуэлы, Испании, Мексики, Кубы, Уругвая и Чили (пилотная выборка, обусловленная доступностью информантов). Им предъявлялся общий список выражений, составленный на основе указанных источников, с просьбой отметить знакомые единицы. Результаты анкетирования вносились в сводную таблицу, которая также включала данные о частотности употребления каждого выражения по материалам Корпуса современного испанского языка (*Corpus del español*), в частности его раздела NOW (тексты 2012–2019 гг., объёмом 7,3 млрд слов). Это позволило сопоставить субъективную узнаваемость выражений с объективной частотностью их употребления в письменном дискурсе.

В работе использовалась комплексная методика, включающая дескриптивный метод (первичная классификация эвфемизмов), концептуальный анализ (выявление когнитивных моделей), корпусный метод (получение количественных данных о частотности), лингвистическое интервьюирование (анкетирование) с целью оценки узнаваемости выражений носителями языка, а также метод лингвокультурологического комментирования, позволяющий интерпретировать культурно-специфические смыслы. Когнитивный анализ проводился в рамках теорий концептуальной метафоры [Lakoff, Johnson, 1980], воплощённого познания [Varela 1991, Gibbs 2006] и намеренной метафоры [Steen, 2015].

Метафорическая концептуализация смерти в когнитивной лингвистике

Концептуализация смерти посредством метафор представляет собой универсальный когнитивно-культурный механизм, исторически укоренённый в философской и литературной традициях. Современная когнитивная лингвистика предлагает системный методологический аппарат для анализа этого феномена, рассматривая его не как чисто риторический приём, а как фундаментальный способ мышления, структурирующий наше понимание предельных абстракций. В центре внимания данного исследования находятся ключевые теоретические парадигмы, позволяющие объяснить природу, происхождение и функции эвфемистических метафор смерти в испаноязычном дискурсе: теория концептуальной метафоры, теория воплощённого познания и теория намеренной метафоры.

Основополагающей для настоящей работы является теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, Johnson, 1980, 1999]. Согласно этой теории, метафора – это не просто фигура речи, а когнитивный механизм проекции (mapping) структуры более конкретной и эмпирически освоенной исходной области (source domain) на более абстрактную целевую область (target domain). В случае концепта СМЕРТЬ, выступающего целевой областью, в качестве исходных наиболее продуктивно используются сферы, основанные на непосредственном физическом и социальном опыте человека.

Это порождает устойчивые метафорические модели, такие как:

СМЕРТЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ / ПЕРЕМЕЩЕНИЕ (например, *irse, pasar a mejor vida*), где опыт пространственного движения проецируется на идею изменения состояния.

СМЕРТЬ – ЭТО СОН / ОТДЫХ (*dormir el sueño eterno, descansar en paz*), основанная на феноменологическом сходстве неподвижности и прекращения активной деятельности.

СМЕРТЬ – ЭТО КОНЕЦ / ПРЕРЫВАНИЕ ПРОЦЕССА (*entregar las herramientas, colgar los guantes*), структурирующая жизнь по аналогии с работой, спортивными состязаниями или механическим функционированием.

Наряду с метафорами, важную роль в концептуализации смерти играет метонимия – когнитивный процесс, основанный на смежности в рамках одной концептуальной сферы. Типичными являются метонимические переносы «часть вместо целого» (например, *exhalar el último suspiro*, где дыхание представляет жизнь) или «следствие вместо причины» (*quedarse tieso*, где физический признак указывает на состояние). Метонимия часто выступает когнитивной основой для последующей метафоризации.

Телесная и сенсорная обусловленность большинства моделей находит объяснение в рамках теории воплощённого познания (embodied cognition) [Varela et al., 1991; Gibbs, 2006]. Этот подход постулирует, что формирование абстрактных понятий, включая концепт смерти, основывается на физическом, сенсорно-моторном и эмоциональном опыте взаимодействия тела с миром. Таким образом, универсальность таких метафор, как СМЕРТЬ – ЭТО ТЕМНОТА (основанная на зрительном опыте и страхе перед неизвестным) или СМЕРТЬ ХОЛОДНА (основанная на тактильном восприятии безжизненного тела), объясняется общностью человеческой телесности. Теория воплощённого познания, однако, не отрицает роль культуры, а рассматривает её как фактор, опосредующий и направляющий этот базовый телесный опыт, придавая ему специфические культурные смыслы (как, например, в мексиканской традиции праздника *Día de los Muertos*).

Для понимания того, как данные когнитивные модели реализуются в реальной коммуникации с конкретной социальной целью, особенно в табуированной сфере, обратимся к теории намеренной метафоры (Deliberate Metaphor Theory), разработанной Дж. Стином [Steen, 2011, 2015, 2017]. В отличие от автоматизированных, конвенциональных метафор, намеренная метафора представляет собой сознательный коммуникативный акт, при котором говорящий целенаправленно привлекает внимание слушающего к исходной области, чтобы вызвать определённую рефлексия или оказать прагматическое воздействие. В контексте эвфемизации смерти этот подход является ключевым: использование метафоры СМЕРТЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ в выражении «уйти на небеса» – это не просто замена прямого обозначения, а намеренная стратегия, призванная смягчить травматичность

концепта, представить его как осмысленный переход и оказать эмоциональную поддержку адресату. Теория намеренной метафоры позволяет рассматривать эвфемизмы как сложные речевые действия, выполняющие социальные функции управления эмоциями, соблюдения норм вежливости и формирования культурной идентичности.

Таким образом, интеграция трёх указанных теоретических перспектив: концептуально-метафорической (как мы мыслим смерть), воплощённо-когнитивной (почему мы мыслим её именно так) и интенционально-коммуникативной (с какой целью мы говорим о ней метафорами) – формирует комплексную основу для анализа эвфемистических номинаций. Такой подход позволяет не только классифицировать языковые выражения, но и вскрыть глубинные связи между телесным опытом, культурными моделями и социальным взаимодействием в процессе вербализации одного из ключевых экзистенциальных табу.

Результаты исследования

Анализ исследуемого корпуса позволил выявить ряд метафорических и метонимических моделей, включающих как уже описанные в литературе [Gonzalez, 2019; Crespo-Fernández, 2023], так и впервые установленные в данном исследовании:

1. УМЕРЕТЬ = ПЕРЕМЕСТИТЬСЯ

1.1. Выражения, связанные с идеей *irse* ‘уходить’ и всего, что ее описывает (как, куда и т. д.): *irse de viaje*, *irse en un bote de cuatro velas*, *irse en la bicicleta de palo*, *irse en la caravana de los muertos*, *irse de espaldas al loro*, *irse para el reparto bocarriba*, *irse para la heladera*, *irse para la fiamblera*, *irse para el fundo de las cruces*, *irse para los palos blancos*, *irse a veranear a Las Cruces*, *liar el petate* (здесь используется вторичная метафора – мы собираем вещи, чтобы отправиться в путешествие).

1.2. Выражения, подчеркивающие идею «без возврата»: *irse para no volver*, *sacar pasaje de ida sin regreso*, *emprender un viaje sin retorno*, *mudarse para Zapata y Doce* (адрес кладбища в Гаване).

1.3. Выражения, связанные с путешествием в другой мир: *irse al otro mundo*, *irse al cielo*, *irse al paraíso*, *irse al infierno*, *irse para el más allá*, *irse para la tierra santa*, *irse en la caravana de los muertos*, *irse para Tierra de Jugo*, *irse para la Avenida de la Paz*.

В этой же группе – другие глаголы движения со значением передвижения и выражающие идею перемещения души в иной мир: *volver al seno del Señor*, *se lo llevó Dios*, *pasar a mejor vida*, *pasar a otro mundo*, *pasar al otro barrio*, *pasar para tierra fresca*, *despegar, raspar* (переместиться вверх), *irse abajo*, *caer, sucumbir* (переместиться вниз)

Особый случай – пройти пустошь, как границу между мирами:

pasar el páramo en chanchetas, *pasar el páramo en escarpines*, *pasar el páramo en calzoncillos*, *pasar el páramo en paños menores*, *pasar el páramo en alpargatas*.

2. УМЕРЕТЬ = ОТДОХНУТЬ

2.1. СМЕРТЬ = СОН: *dormir el sueño eterno*, *dormir el sueño de los justos*, *dormir en el Señor*, *echar el sueñito definitivo*, *dormirse en la paz del Señor*, *dormir en paz*, *ponerse el pijama de madera* (вторичная метафора).

2.2. СМЕРТЬ = ПОКОЙ: *descansar en el Señor*, *último reposo*.

3. УМЕРЕТЬ = ИСЧЕЗНУТЬ

3.1. *desaparecer*, *dejar de existir*, *no estar con alguien*, *abandonar a alguien*, *dejar a alguien*, *irse del aire*.

3.2. Вариант из этой группы УМЕРЕТЬ = ПОПРОЩАТЬСЯ: *decir adiós a la vida*, *decir adiós para siempre*.

4. УМЕРЕТЬ = ПОТЕРЯТЬ

4.1. Непреднамеренная потеря:

4.1.1. Потеря собственной жизни: *perder la vida*, *abandonar la vida*

4.1.2. Потеря умершего: *perder a alguien*

- 4.2. Преднамеренная потеря («отдать жизнь»): *entregar la vida, dar la vida*
5. УМЕРЕТЬ = ОКОНЧИТЬ (КАКОЙ-ТО ПРОЦЕСС)
- 5.1. ОКОНЧИТЬ РАБОТУ: *entregar las herramientas*.
- 5.2. СДАТЬ ДЕЛА, РАСПЛАТИТЬСЯ С ДОЛГАМИ: *entregar los vales, pagar todas las deudas, entregar los papeles, entregar los corotos, entregar la guardia, colgar el sable, vender el carro*.
- 5.3. Несколько выражений пришли из спортивной сферы (бокса): *tirar la toalla, colgar los guantes*.
- 5.4. Другие выражения с явной идеей завершения или прерывания процесса: *cerrar el paraguas, quedar en la página dos, darse de baja de la libreta*.
- 5.5. В этом же разделе выделяются метафоры, отражающие идею неработающего / сломанного устройства: *se le fue la luz, se le fue la corriente, se le quemaron los tapones, se le acabaron las pilas, se fundió como una lámpara, acabársele la cuerda, romperse*.
6. Многочисленная группа выражений включает метонимии и метафоры, отождествляющие смерть с состоянием тела или частей тела умершего:
- 6.1. Физиологические процессы в теле умершего: «вытягиваться», «окоченеть» и пр.: *quedarse tieso, quedarse orgulloso, quedarse indiferente, quedarse maquillado, quedarse almidonado, (quedarse) con los pies para adelante, quedarse horizontal, quedarse fiambre (вторичная метафора)*.
- 6.2. Изменения (прекращение) дыхания: *cortársele el resuello, exhalar el último suspiro, se le olvidó respirar*.
- 6.3. Различные движения ногами (варианты – *pierna, pata, anca*): *estirar la pata, estirar las piernas, estirar las ancas, parar la pata,, torcer la pata*.
- 6.4. Процессы, происходящие с глазами или зубами: *cerrar el ojo (los ojos), pelar el ojo, revirar el ojo, pelar el diente (los dientes)*.
- 6.5. К этой же группе относятся выражения, включающие вторичные метафоры со значением частей тела («хвост», «подковы», «копыта») и имеющие явный ироничный характер: *parar las hediondas, parar las ojotas, parar las chalalas, parar los mocasines, parar las herraduras, estar viéndose el dedo grande, templar el cacho, doblar el cacho, encogérsele el rábano, estirar el rabo, torcer el cacho*.
7. Несколько выражений связаны с процессом погребения, подготовкой к нему, а также его последствиями:
- 7.1. Метафора надевания деревянного «костюма»: *ponerse el traje de madera, ponerse el perno de madera, ponerse el mameluco de madera*.
- 7.2. Различные поминальные обычаи: *tomar café con cachitos, hay ternera (vaca muerta), nos dejó el guayo*.
- 7.3. То, что происходит с телом после погребения (с оттенком иронии): *estar oloroso las flores por al raíz, estar criando malvas, podrirse en conserva*.
8. Другие действия (которые активируют другие метафоры). Эти выражения имеют ярко выраженный локальный характер, зачастую непонятны представителям других испаноязычных стран и не фиксируются Корпусом: *guindar la cucharilla (Бен.), pegar (dar) el salto del tordito (Бен.), mascar la cabulla (Бен.), darle la vuelta al cacho y al perolito (Бен.), irse de espaldas el loro (Чили), darle la patada a la lata (Куба), darle la patada al testero (Куба)*.
9. Синонимы глагола *morir*, этимологически восходящие к эвфемизмам: *fenecer, perecer, acabarse, fallecer, expirar, finar, espichar* (так, *fallecer* – самый частотный синоним, происходит из латинского *fallère* ‘обмануть, разочаровать, не оправдать надежд’)
10. Персонификация смерти. Смерть традиционно описывается через образ женщины (чаще – уродливой старухи), приходящей к умершему и уносящей его душу. Чаще всего в качестве эвфемистической номинации выбирается прилагательное (одна из характеристик метафорического образа), субстантивированное при помощи определенного артикля женского рода: *la Pelada (la Pelá), la Flacuchenta, la Huesuda (Huesúa, Güesúa), la Pálida; la*

Cachúa, la Rabona, la Huesuda, la Garabatuda (la Garabatúa), la Uñona; la Pelona, la Guadaña. В Венесуэле фиксируются также номинации *el Aruñón* (от глагола *aruñar*, диалектного варианта общеиспанского *arañar*), в этом случае мужской род обусловлен предположительно тем, что «инструментом» смерти становится сам дьявол, уносящий душу грешника (аналогично номинация *la Cachúa* образована от *el Cachuo* – ‘дьявол’); имя собственное *Gabriela* (диалектное *Grabiela*), иногда употребляемое вместе с вежливой формой обращения *ña* (афerezис от *doña*) (в Гватемале и Гондурасе в том же значении используется имя собственное *Pascuala*). В последнем случае налицо поляризация значения, вызванная довольно распространенным в различных культурах представлением о том, что действия недобрых сил нейтрализуются, если их имена заменять словами с позитивной окраской, тем самым «задабривая» их. Персонификация образа смерти осуществляется также при помощи существительного с довольно широким значением *bicha* в составе устойчивого оборота *la bicha aquella* и субстантивированного придаточного определительного *la que no perdona*. Все перечисленные номинации обычно выступают в роли субъекта с глаголами *acercarse, llegar, venir, visitar, llevar, acabar (con alguien)*. Примеры: *Le llegó a fulano la Huesuda. Cualquier día nos lleva la Rabona. La bicha aquella está acabando con la población.* Наиболее популярным эвфемизмом в этой группе номинаций, а следовательно, и наиболее характерной чертой образа смерти в представлениях коллективной языковой личности в большинстве национальных вариантов является номинация *la Pelada* (или апокопа *Pelá*) / *la Pelona*. А. Рабаналес связывает это с традициями изображения смерти в виде человеческого скелета в белом саване с косой в руках [Rabanales, 1966–1968, p. 144].

Некоторые номинации занимают промежуточное положение. Например, *hacer (emprender) el último viaje* может ассоциироваться как с перемещением души (Ср. *irse de viaje, emprender el viaje sin retorno*), так и с похоронами (ср. русск. «проводить в последний путь»); чилийское выражение *irse a veranear a Las Cruces* имеет тройную ассоциацию (*Las Cruces* – название курорта, следовательно, здесь присутствует идея как перемещения души, так и идея отдыха; с другой стороны, внутренняя форма названия *Las Cruces* прочно связана с образом кладбища). Другой чилийский оборот *irse para la Avenida de la Paz* происходит от названия улицы, ведущей на кладбище, а с другой стороны слово *paz* ассоциировано с идеей упокоения души (см. таблицу).

Распределение выражений по когнитивным моделям (n = 212 единиц)
Distribution of expressions by cognitive models (as a percentage of the total 212 units)

Модель	Количество, n (%)
1.УМЕРЕТЬ = ПЕРЕМЕСТИТЬСЯ	57 (26,9)
2.УМЕРЕТЬ = ОТДОХНУТЬ / УСНУТЬ	12 (5,7)
3.УМЕРЕТЬ = ИСЧЕЗНУТЬ (ПОПРОЩАТЬСЯ)	9 (4,2)
4.УМЕРЕТЬ = ПОТЕРЯТЬ	8 (3,8)
5.УМЕРЕТЬ = ОКОНЧИТЬ ПРОЦЕСС	37 (17,5)
6. Метонимии и метафоры, связанные с телом	37 (17,5)
7. Погребальные	12 (5,7)
8. Локальные, диалектные	11 (5,2)
9. Синонимы глагола <i>morir</i>	14 (6,6)
10. Персонификация смерти	15 (7,1)

Таким, образом, можно сделать вывод о том, что наиболее продуктивной моделью является ПЕРЕМЕЩЕНИЕ (26,9% всех единиц), что подтверждает универсальность метафоры «смерть — это путешествие». На втором месте модели ОКОНЧАНИЯ ПРОЦЕССА и ТЕЛЕСНЫЕ модели (по 17,5%). Наименее частотны модели ИСЧЕЗНОВЕНИЯ и ПОТЕРИ (4,2% и 3,8% соответственно).

Анализ результатов анкетирования показал, что всеми респондентами были признаны известными 19 выражений. Ниже приводится список в алфавитном порядке, в скобках указано количество упоминаний в Корпусе испанского языка в форме инфинитива, а также 3 лица единственного и множественного числа (суммировано):

1. Cumplir la voluntad de Dios (67)
2. Decir adiós para siempre (126)
3. Dejar de existir (более 10 000, но не только в значении «умереть»)
4. Dormir el sueño eterno (36)
5. Descansar en paz (1 738)
6. Entregar su alma a Dios (23)
7. Estirar la pata (91)
8. Exhalar el último suspiro (16)
9. Fallecer (около 400 тыс., абсолютный лидер)
10. Irse al cielo (3)
11. Irse al infierno (0)
12. Irse al otro mundo (1)
13. Irse al paraíso (0)
14. Irse para el más allá (1)
15. Llegarle la hora (809)
16. Pasar a mejor vida (798)
17. Perecer (18509)
18. Perder la vida (94875)
19. Quedarse tieso (4)

Преобладают когнитивные модели ПЕРЕМЕЩЕНИЯ (6 выражений: *irse al cielo/infierno/otro mundo/paraíso/más allá, pasar a mejor vida*), ОКОНЧАНИЯ (3 выражения: *cumplir la voluntad de Dios, entregar su alma a Dios, llegarle la hora*) и телесные (3 выражения: *estirar la pata, exhalar el último suspiro, quedarse tieso*). Зафиксированы также модели ОТДЫХА / СНА (2), ИСЧЕЗНОВЕНИЯ (2), ПОТЕРИ (1) и синонимы глагола *morir* (2).

Согласно данным Корпуса, по количеству словоупотреблений лидерами оказались синонимы глагола *morir* - *fallecer* и *perecer* и словосочетание *perder la vida*. В основном данные Корпуса коррелируют с данными опроса, хотя некоторые единицы, отмеченные всеми респондентами, упоминаются крайне редко (1–4 раза) либо вовсе не упоминаются. В свою очередь, часто упоминаемые в корпусе *dormir el sueño de los justos* (109) и *producirse el deceso de alguien* (549) отмечены не всеми респондентами.

Значительная часть выражений (68 из 212) не фиксируется Корпусом. Это, прежде всего, единицы с явно выраженной шутилой или ироничной окраской (например, *írsele la corriente a alg.*, *irse en la bicicleta de palo, encogersele el rábano*), а также обороты, содержащие диалектизмы или специфические для того или иного региона реалии (например, *planchar su liquiliqui, guindarse el chinchorro, darse de baja de la libreta, mudarse pa' Zapata y Doce*). Регистрируемые Корпусом более 10000 словоупотреблений выражения *dejar de existir* не могут интерпретироваться как прямое отражение частоты обозначения смерти, поскольку этот оборот широко используется в испанском языке в переносном смысле: «перестать существовать» как явление. Для целей нашего исследования важно, что все опрошенные носители узнают это выражение как эвфемизм понятия «умереть», а количественные данные корпуса в данном случае имеют ограниченную ценность.

Заключение

В результате проведенного исследования в испаноязычной лингвокультуре выделено 10 когнитивных моделей эвфемистических номинаций смерти. Количественный анализ корпуса из 212 единиц показал, что наиболее продуктивной по числу выражений является модель ПЕРЕМЕЩЕНИЯ (57 единиц, 26,9% от общего числа). За ней следуют модели ОКОНЧАНИЯ ПРОЦЕССА (37 единиц, 17,5%) и телесные метонимии/метафоры (также 37 единиц, 17,5%). Наименее частотны модели ИСЧЕЗНОВЕНИЯ (9 единиц, 4,2%) и ПОТЕРИ (8 единиц, 3,8%).

Новизна работы состоит в том, что впервые на основе интеграции словарных данных, анкетирования носителей из семи испаноязычных стран и когнитивного инструментария (теории воплощенного познания, концептуальной и намеренной метафоры) дана систематизация десяти указанных моделей. Продемонстрировано, что доминирующей по числу единиц является модель ПЕРЕМЕЩЕНИЯ, но по частотности в письменном дискурсе (по данным корпуса NOW) лидируют синонимы глагола “morir” *fallecer* (около 400 тыс. вхождений) и *perecer* (18 509), а также модель ПОТЕРИ (*perder la vida* – 94 875). Это расходится с данными предшествующих исследований, в которых акцент делался исключительно на модели ПУТЕШЕСТВИЯ (ПЕРЕМЕЩЕНИЯ). Впервые также проведен сопоставительный анализ узнаваемости эвфемизмов носителями из разных стран, позволивший выявить как универсальные (19 выражений, известных всем опрошенным), так и регионально маркированные единицы.

С когнитивной точки зрения формирование эвфемистических номинаций описывается как результат взаимодействия фундаментальных механизмов концептуализации. Смерть осмысливается не как абсолютный конец, а как изменение состояния: через модели СНА или ОТДЫХА (*dormir el sueño eterno, descansar en paz*), либо как пространственное ПЕРЕМЕЩЕНИЕ (*irse, pasar*). Последняя модель тесно связана с христианской картиной мира, определяющей «направление» этого перемещения (*cielo, infierno, otro mundo*) и его необратимость, обусловленную волей Бога (*cumplir la voluntad de Dios*). Изменение состояния иллюстрируют и выражения, акцентирующие физиологические признаки смерти (*exhalar el último suspiro, estirar la pata*).

Анализ показал, что метафоры смерти формируют устойчивые ментальные модели, многие из которых базируются на телесном опыте и сенсорных ощущениях. Эти концептуальные схемы универсальны, однако их лингвистическая реализация окрашена культурно-специфическими смыслами, отражающими религиозные, исторические и региональные особенности испаноязычного мира.

Представленный корпус, охватывающий 212 выражений, подтверждает богатство и креативный потенциал испаноязычных сообществ в области вербализации смерти. В то же время данные корпуса и анкетирования указывают на наличие расхождений между узкой частотностью и коммуникативной значимостью: 68 единиц (32% от общего числа 212) не фиксируются в Корпусе, однако часть из них обладает высокой степенью узнаваемости носителями языка. Это свидетельствует о преимущественно устной, спонтанной природе подобной лексики.

Ограничения исследования. Следует признать, что анкетирование носило пилотный характер (19 респондентов), а корпусное исследование не охватывает устную речь, где эвфемизмы функционируют активнее. Кроме того, выражение *dejar de existir*, отмеченное всеми респондентами, несмотря на высокую частотность в корпусе (более 10 000), широко используется в переносном смысле («перестать существовать» в широком значении), поэтому его количественные показатели не могут напрямую интерпретироваться как частота обозначения смерти. Это же касается ряда выражений из общего списка,

фиксируемых корпусом не только в значении «умереть» или вовсе не фиксируемых в этом значении (например, *doblar la esquina, emprender un viaje sin retorno, entregar las herramientas, irse para no volver, quedarse indiferente*)

Таким образом, метафорическая репрезентация смерти в испаноязычных культурах предстаёт как сложный, многослойный феномен, в котором переплетаются телесный опыт, культурные традиции, религиозные представления, эмоциональные стратегии преодоления утраты, историческая память, социальное взаимодействие и языковая креативность. Данное исследование вносит вклад в понимание того, как язык не только описывает, но и структурирует восприятие одной из фундаментальных категорий человеческого существования.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на сопоставительный анализ с другими лингвокультурами (а внутри испаноязычных культур - на влияние, в частности, индейского компонента), на выявление нейрокогнитивных механизмов восприятия метафор смерти, а также на более широкое использование возможностей Корпуса испанского языка (включая исторические тексты и художественную литературу). Перспективным представляется расширение эмпирической базы за счёт привлечения более широкой выборки респондентов с учётом возрастных, социальных и региональных отличий. Кроме того, интерес может представлять сравнительный анализ медиадискурса, а также исследование функционирования эвфемизмов в социальных сетях и интернет-коммуникации.

Список источников

- Греческо-русский словарь, составленный Александром Давидовичем Вейсманом, бывшим ординарным профессором Императорского С.-Петербургского историко-филологического института. 1894. Санкт-Петербург, изд. авт., 1370 стб.
- Davies M. The Corpus del Español. URL: <https://www.corpusdelespanol.org/> (accessed: September 9, 2024).
- Diccionario de la lengua española. 2014. Real Academia Española. URL: <http://dle.rae.es/> (accessed: October 5, 2024).
- Moliner R.M. 2009. *Diccionario de uso del español*. Madrid, Gredos. URL: <https://www.intercambiosvirtuales.org/libros-manuales/maria-moliner-diccionario-de-uso-del-espanol-3ra-edicion-2009-version-dvd> (accessed: September 9, 2024).

Список литературы

- Алещенко Е.И., Фатеева Ю.Г. 2021. Концепт «смерть» в языковой картине мира врача: традиции и профессиональная специфика. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 4(157): 118–124.
- Бердова Н.М. 1981. Эвфемизмы в современном немецком языке. Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 230 с.
- Болдырев Н.Н. 2018. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. Под ред. В.З. Демьянкова. Москва, Издательский дом ЯСК, 480 с.
- Гусейнова У.Г. 2015. Концепт «смерть» в древнетюркской языковой картине мира. *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*, 5: 100–105.
- Монгуш Н.М. 2024. Эвфемизмы, репрезентирующие значение 'умереть' в тувинском и монгольских языках. *Сибирский филологический журнал*, 4: 215–228. DOI: 10.17223/18137083/89/16
- Середа Е. 2015. Национально-культурная специфика фразеологических единиц, репрезентирующих концепт «СМЕРТЬ». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 8–2(50): 162–166.
- Тазранова А.Р. 2021. Концепт «смерть» в языковой картине мира алтайцев. В кн.: Универсальное и специфичное в вербальных традициях народов современной России. Тезисы Всероссийской научной конференции с международным участием «Языки народов Сибири и сопредельных регионов: универсальное и специфичное в вербальных традициях народов современной России» (Новосибирск, 11–15 октября 2021 г.). Под ред. Е.В. Тюттешевой. Новосибирск, Академиздат: 36–39.

- Чеснокова О.С. 2004. Концепт «смерть» в мексиканском национальном варианте испанского языка и культуре Мексики. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*, 6: 106–112.
- Allan K., Burrige K. 2006. *Forbidden words: Taboo and the censoring of language*. Cambridge, Cambridge University Press, 314 p.
- Burrige K. 2004. *Blooming English: observations on the roots, cultivation a. hybrids of the Engl. lang.* Cambridge, Cambridge univ. press, 242 p.
- Crespo-Fernández E. 2013. Euphemistic metaphors in English and Spanish epitaphs: A comparative study. *Atlantis. Journal of the Spanish Association of Anglo-American Studies*, 35.2: 99–118.
- Crespo-Fernández E. 2023. The death taboo: Euphemism and metaphor in epitaphs from the English cemetery of Malaga, Spain. *Languages*, 8(3): 215. Doi: 10.3390/languages8030215
- Gibbs R. 2006. *Embodiment and cognitive science*. Cambridge, New York, Cambridge University Press. 337 p.
- Gómez de Ivashevsky A. 1969. *Lenguaje coloquial venezolano*. Caracas, Universidad Central de Venezuela, Instituto de Filología Andrés Bello, 502 p.
- González D.S. 2019. Eufemismos sobre la muerte en el Diccionario de la lengua española y en el Diccionario de uso del español. *Revista Digital Internacional De Lexicología, Lexicografía Y Terminología*, 2(2): 151–170.
- Herrero J. 2007. At the Crossroads between Literature, Culture, Linguistics, and Cognition: Death Metaphors in Fairy Tales. *Revista Española de Lingüística Aplicada (RESLA)*, 20: 59–83.
- Heynderickx P.C, Dieltjens S.M 2021. If cemeteries could talk... A discourse-analytical analysis of epitaphs. *OMEGA - Journal of Death and Dying*, 83(4): 944–957. DOI: 10.1177/00302228198737
- Heynderickx P.C., Dieltjens S.M., Oosterhof A. 2019. The Final Fight: An Analysis of Metaphors in Online Obituaries of Professional Athletes. *OMEGA - Journal of Death and Dying*, 79(4), 364–376. DOI: 10.1177/0030222817715757
- Jamet D. 2010. Euphemisms for Death: Reinventing Reality through Words? Dans le livre: *Inventive Linguistics*. Dir. S. Sorlin. Presses Universitaires du Languedoc et de la Méditerranée: 173–187.
- Kuczok M. 2016. Metaphorical conceptualizations of death and dying in American English and Polish: a corpus-based contrastive study. *Linguistica Silesiana*, 37: 125–142.
- Lakoff G., Johnson M. 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago, University of Chicago Press, 256 p.
- Lakoff G., Johnson M. 1999. *Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind and its Challenge to Western Thought*. New York, Basic Books. 624 p.
- Rabanales A. 1966–1968. Eufemismos hispanoamericanos (Observaciones al libro de Kany). *Revista Portuguesa de Filología*, XIV: 129–155.
- Santiesteban A. 1982. *El habla popular cubana de hoy: (una tonga de cubichismos que le oi a mi pueblo)*. Ed. de Ciencias Sociales, La Habana, 366 p.
- Steen G. 2011. The contemporary theory of metaphor – Now new and improved. *Review of Cognitive Linguistics*, 9(1): 26–64. DOI: 10.1075/rcl.9.1.03ste
- Steen G. 2015. Developing, testing and interpreting Deliberate Metaphor Theory. *Journal of Pragmatics*, 90: 67–72. DOI: 10.1016/j.pragma.2015.03.013
- Steen G. 2017. Deliberate metaphor theory: Basic assumptions, main tenets, urgent issues. *Intercultural Pragmatics*, 14(1): 1–24. DOI: 10.1515/ip-2017-0001
- Varela F.J., Thompson E., Rosch E. 1991. *The embodied mind: Cognitive science and human experience*. Cambridge, MA, MIT Press, 336 p.

References

- Aleshchenko E., Fateeva Yu. 2021. Concept “death” in the language world picture of a doctor: traditions and professional specific character. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 4(157): 118–124.
- Berdova N.M. 1981. Eufemizmy v sovremennom nemetskom yazyke [Euphemisms in the modern German language]. Dis. ... Cand. Philol. Sciences. Kyiv, 230 p.
- Boldyrev N.N. 2018. *Language and the System of Knowledge. A Cognitive Theory of Language*. Ed. V.Z. Demyankov. Moscow, Izdatel'skii dom YASK, 480 p. (in Russian).
- Guseynova U.H. 2015. Concept “Death” in the ancient turkic language picture of the world. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 5: 100–105.

- Mongush N.M. 2024. Euphemisms representing the meaning 'to die' in Tuvan and Mongolian languages. *Siberian Journal of Philology*, 4: 215–228 (in Russian). DOI: 10.17223/18137083/89/16
- Sereda E. 2015. National-Cultural Specificity of Phraseological Units Representing the Concept "Death". *Philology. Theory & Practice*, 8–2(50): 162–166.
- Tazranova A.R. 2021. The Concept of Death in the Altai Language World Picture. In: Universal'noe i spetsifichnoe v verbal'nykh traditsiyakh narodov sovremennoi Rossii [The Universal and the Specific in the Verbal Traditions of the Peoples of Modern Russia]. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation "Yazyki narodov Sibiri i sopredel'nykh regionov: universal'noe i spetsifichnoe v verbal'nykh traditsiyakh narodov sovremennoi Rossii" [Languages of the Peoples of Siberia and Adjacent Regions: The Universal and the Specific in the Verbal Traditions of the Peoples of Modern Russia] (Novosibirsk, October 11–15, 2021). Ed. E.V. Tyuntseva. Novosibirsk, Publ. Akademizdat: 36–39.
- Chesnokova O.S. 2004. The Concept "Death" in the Mexican Spanish and the Mexican Culture. *Bulletin of Peoples' friendship university of Russia. Series Linguistics*, 6: 106–112 (in Russian).
- Allan K., Burridge K. 2006. Forbidden words: Taboo and the censoring of language. Cambridge, Cambridge University Press, 314 p.
- Burridge K. 2004. Blooming English: observations on the roots, cultivation a. hybrids of the Engl. lang. Cambridge, Cambridge univ. press, 242 p.
- Crespo-Fernández E. 2013. Euphemistic metaphors in English and Spanish epitaphs: A comparative study. *Atlantis. Journal of the Spanish Association of Anglo-American Studies*, 35.2: 99–118.
- Crespo-Fernández E. 2023. The death taboo: Euphemism and metaphor in epitaphs from the English cemetery of Malaga, Spain. *Languages*, 8(3): 215. DOI: 10.3390/languages8030215
- Gibbs R. 2006. Embodiment and cognitive science. Cambridge, New York, Cambridge University Press. 337 p.
- Gómez de Ivashevsky A. 1969. Lenguaje coloquial venezolano [Venezuelan colloquial language]. Caracas, Universidad Central de Venezuela, Instituto de Filología Andrés Bello, 502 p.
- González D.S. 2019. Eufemismos sobre la muerte en el Diccionario de la lengua española y en el Diccionario de uso del español [Euphemisms about death in the Dictionary of the Spanish Language and in the Dictionary of Spanish Usage]. *Revista Digital Internacional De Lexicología, Lexicografía Y Terminología*, 2(2): 151–170.
- Herrero J. 2007. At the Crossroads between Literature, Culture, Linguistics, and Cognition: Death Metaphors in Fairy Tales [At the Crossroads between Literature, Culture, Linguistics, and Cognition: Death Metaphors in Fairy Tales]. *Revista Española de Lingüística Aplicada (RESLA)*, 20: 59–83.
- Heynderickx P.C., Dieltjens S.M. 2021. If cemeteries could talk... A discourse-analytical analysis of epitaphs. *OMEGA - Journal of Death and Dying*, 83(4): 944–957. DOI: 10.1177/00302228198737
- Heynderickx P.C., Dieltjens S.M., Oosterhof A. 2019. The Final Fight: An Analysis of Metaphors in Online Obituaries of Professional Athletes. *OMEGA – Journal of Death and Dying*, 79(4), 364–376. DOI: 10.1177/0030222817715757
- Jamet D. 2010. Euphemisms for Death: Reinventing Reality through Words [Euphemisms for Death: Reinventing Reality through Words]? In: Inventive Linguistics [Inventive Linguistics]. Dir. S. Sorlin. Méditerranée, Presses Universitaires du Languedoc: 173–187.
- Kuczok M. 2016. Metaphorical conceptualizations of death and dying in American English and Polish: a corpus-based contrastive study. *Linguistica Silesiana*, 37: 125–142.
- Lakoff G., Johnson M. 1980. Metaphors We Live By. Chicago, University of Chicago Press, 256 p.
- Lakoff G., Johnson M. 1999. Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind and its Challenge to Western Thought. New York, Basic Books. 624 p.
- Rabanales A. 1966–1968. Eufemismos hispanoamericanos (Observaciones al libro de Kany) [Hispanic American euphemisms (Observations on Kany's book)]. *Revista Portuguesa de Filologia*, XIV: 129–155.
- Santiesteban A. 1982. El habla popular cubana de hoy: (una tonga de cubichismos que le oi a mi pueblo) [The popular Cuban speech of today: (a collection of Cubanisms that I heard from my people)]. Ed. de Ciencias Sociales, La Habana, 366 p.
- Steen G. 2011. The contemporary theory of metaphor – Now new and improved. *Review of Cognitive Linguistics*, 9(1): 26–64. DOI: 10.1075/rci.9.1.03ste
- Steen G. 2015. Developing, testing and interpreting Deliberate Metaphor Theory. *Journal of Pragmatics*, 90: 67–72. DOI: 10.1016/j.pragma.2015.03.013

Steen G. 2017. Deliberate metaphor theory: Basic assumptions, main tenets, urgent issues. *Intercultural Pragmatics*, 14(1): 1–24. DOI: 10.1515/ip-2017-0001

Varela F.J., Thompson E., Rosch E. 1991. The embodied mind: Cognitive science and human experience. Cambridge, MA, MIT Press, 336 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 22.12.2025

Поступила после рецензирования 17.03.2026

Принята к публикации 3.04.2026

Received December 22, 2025

Revised March 17, 2026

Accepted April 3, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Инчаурральде-Бесга Карлос, кандидат филологических наук, доцент кафедры международного предпринимательства, Государственный университет аэрокосмического приборостроения, г. Санкт-Петербург, Россия.

Родченко Анна Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков, Дипломатическая академия МГИМО Министерства иностранных дел РФ, г. Москва, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Carlos Insaurralde-Besga, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of International Business, State University of Aerospace Instrumentation, Saint-Petersburg, Russia.

Anna V. Rodchenko, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of European Languages, Diplomatic Academy of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.